

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'1

ЯЗЫК, ПРОСТРАНСТВО И ГЕНДЕР

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Восприятие пространства, зафиксированное в языковой картине мира, представляет собой определенную матрицу, соотносящуюся с гендерной идентичностью говорящего или пишущего субъекта. Исследование обозначенной проблематики показывает, что уменьшительные средства языка являются эффективным способом неявной организации проксемических или дистантных пространственных отношений сквозь призму гендера. Особенно дистинктивны среди них редкие диминутивы, в частности те, в языковой структуре которых сочетаются противоположные смыслы – огромности и небольшой величины, крохотности.

Введение. Казалось бы, совсем недавно термин пространство в лингвистических теориях ассоциировался только с географией, то есть данными о распространении языков в мире. Так, не далее чем в 30-е годы прошлого века Р. Якобсон выступил с необычной идеей построить онтологическое доказательство существования Евразии как естественного территориального единства, скрепленного, помимо всего прочего, определенной фонологической общностью [1]. Идея евразийского союза была использована целым рядом лингвистов [2; 3], однако именно Р. Якобсон сформулировал весьма конкретную цель – постичь, в какой мере и каким образом фонология связана с выходящими за ее пределы реалиями. Одной из его задач было пометить или промаркировать реальное географическое пространство языковыми средствами.

В настоящее время лингвистические исследования под пространством разумеют вовсе не географическое понятие. Они стремятся пробиться к той важнейшей категории, посредством которой обозначаются формы бытия вещей и явлений и которая отражает их со-бытие, сосуществование (в пространстве). Данная категория, как известно, являет собой, наряду со временем, несущую конструкцию любой известной до сих пор объяснительной картины мира [4, с. 804].

Лингвистические исследования последних лет убедительно показывают, что пространство как важнейшая форма мира и жизни человека в нем самым разнообразным образом отражено в языке [5, с. 80–89]. Примечательно, что пространство может быть интерпретировано исследователями по-разному, а именно: 1) как нечто первичное, самодостаточное, существующее независимо от располагающихся в нем объектов; 2) как относительная сущность, определяемая установившимся в нем порядком сосуществования так или иначе заполняющих его объектов.

Работы лингвистов последних лет позволяют утверждать, что пространственные отношения в том виде, в каком их фиксирует и отражает язык, не просто определенным образом организованы и структурированы, а в значительной мере определены употребляющим язык человеком. Иными словами, пространство фиксируется, осуществляется и интерпретируется человеком и поэтому являет собой область человеческих представлений о мире [6, с. 18]. Язык как раз и выступает как средство описания обжитого, освоенного пространства. Последнее манифестируется через позицию наблюдающей или переживающей определенное событие языковой личности. Даже в таких, казалось бы, отстраненных от непосредственного наблюдателя словах, как «поблизости», «неподалеку», «рядом», «далековато», «далеко от», есть указание на то, что существует некто, некая языковая личность, которая и конструирует с их помощью пространство в терминах дистантных отношений. Исследователи говорят о многих моделях пространства, которые можно выделить на основе анализа пространственных характеристик конкретных языковых единиц. Примечательно, что дистанционной точкой отсчета этих пространств всякий раз оказывается говорящий или пишущий субъект [6, с. 20].

Представляется правомерным предположить, что данная дистанционная точка может определенным образом коррелировать с некими характеристиками говорящего субъекта, с сущностными чертами не только его индивидуальности, но и тем общим полем, которое соотносит его с определенной группой говорящих. Культурная специфика видения мира и пространства неоднократно являлась предметом исследования лингвистов. Однако не только культура в целом в ее наиболее общих чертах может быть значимым параметром модификации пространственных интерпретаций мира. Не менее существенными мо-

гут оказаться внутрикультурные дифференциации. Одной из радикальных переменных, которые могут оказать заметное воздействие на видение мира, в том числе его пространственное отражение в языке, представляется гендерная идентичность языковой личности.

Настоящая работа ставит своей целью на примере дистанционных характеристик проследить, каким образом гендерная отнесенность личности коррелирует с пространственными характеристиками проецируемой ею языковой картины мира. Наша *гипотеза* состоит в том, что дистанционная точка отсчета, о которой говорят исследователи пространственных характеристик языка [6], может находиться на несколько отличающемся расстоянии от проецируемого с помощью языка мира в зависимости от гендерной идентичности языкового субъекта. В соответствии с данными известных трудов в лингвистике и психологии, более отдаленной в случае говорения мужчин, стремящихся к автономии, и менее отстраненной, приближенной у женщин, ищущих соучастия, совместности. Ведь язык, как убедительно показывают исследователи, разрабатывающие теорию языковой картины мира, является неким *Zwischenwelt*, то есть миром, находящимся между реальностью и говорящим субъектом [7, с. 223–241]. Последний определенным образом интерпретирует действительность, и «совершенно неправы те, кто считает, что язык есть отражение действительности» [8, с. 148].

Новизна настоящего исследования состоит в попытке описания особенностей языковой манифестации гендера сквозь призму пространственных отношений в языке. То есть в терминах приведенной ранее идеи Р. Якобсона она заключается в поиске доказательств существования определенной специфики пространственного единства картины мира говорящего субъекта в зависимости от его гендерной принадлежности. **Актуальность** работы состоит в расширении банка данных о способах экспликации гендера средствами языка, описании скрытых, неочевидных без специального анализа языковых маркеров дистанции, на которой языковая личность проецирует реалии своей языковой картины мира, и новом пути в доказательстве многовариантности пространственной репрезентации мира языковыми средствами. Полученные данные и выводы актуальны не только для гендерных исследований в языке, но и для теории языка, лингвистики текста, прагматики или коммуникативной лингвистики

Основная часть. Безусловно, мы не можем рассмотреть все средства языка, участвующие в создании дистанционных или проксемических коннотаций, в одной статье. Непосредственным языковым явлением, которое подлежало анализу в нашем исследовании, была диминутивность. Последняя обычно подразумевает обобщенное значение меньшей величины предмета, меньшего размера, объема, меньшей степени качества. Значение уменьшительности, как правило, достигается с помощью деривационных процессов [9, с. 663; 10, с. 594].

На уменьшенный размер как фундаментальное значение уменьшительных форм указывает и известный словарь В. Хайне и Т. Кутевой [11, с. 41]. Другим постоянно упоминающимся созначением уменьшительных форм является ласкательность, сердечность, нежность [12, с. 336]. Дистанция как созначение, коннотируемое диминутивами, к сожалению, оказывается менее очевидной для исследователей, хотя именно она, на наш взгляд, постоянно в той или иной мере присутствует в семантике диминутивных форм и содержащих их высказываний. В целом ряде случаев более приближенное видение объекта является единственным или основным значением диминутивов.

Рассмотрим следующие примеры из наших записей подлинного общения в четырех культурах (русской, белорусской, английской и американской), составивших приблизительно 40 000 слов текста в каждой культуре.

1. *А горячка-гора якое! Не перажыць, не пераехаць. Прамкі на ўсе жыццё! Гора тое.*
2. *Вотушки нет!*
3. *Трэбкі табе было самому глянуць.*
4. *Не могушеньки – не могу.*
5. *Ахці мнешачкі!*
6. *Чагошкі тады ты туды пайшоў?*
7. *Ды толькі яктачкі так не так яно зладзілася.*
8. A: *Ohie! Who can help me then?*
B: *Your dear little honey, love.*
9. *Большуценький-пребольшуценький!*
10. *Вооі! Заместачкі каб!*

Диминутивные формы в приведенных примерах весьма проблематично соотносить с уменьшенными размерами. Так, «Горячка-гора», которое «не пераехаць», скорее коррелирует с чем-то громадным (см. пример 1). Сказанное справедливо и об объекте из примера 9. Уменьшительные формы в дру-

гих примерах вообще не связаны с размерами. Так, какой может быть размер у понятия, обозначаемого предложением «заместачкі каб»? (см. пример 10).

Ласкательность также проблематична во всех приведенных примерах, взятых из конкретных жизненных ситуаций. Так, речевое действие в примере 3 представляет собой упрек-сожаление, 5 – укор в той ситуации, в которой оно было высказано. Вместе с тем в принципе подобные формы могут соотноситься с общим ласкательным тоном и добавлять сердечности и дружелюбия в разговор. Последние, однако, сами по себе весьма сильно коннотируют неотстраненность, участие, близкие, доверительные дистанции. Сравним высказывание из примера 3 и семантически аналогичное ему, правда, высказанное в другой культуре и на другом языке, речевое действие.

3. *Трэбкі табе было самому глянуць.*
11. *Самому надо было там быть. Ясно? Все!*

Рисуемая приведенными в данном примере речевыми действиями картина реальности представляется по-разному удаленной от говорящего, более отстраненной в примере 11 и относительно более приближенной в фрагменте 3.

Весьма убедительно сказанное прослеживается в сопоставлении идентичных по смыслу пословиц, взятых из наших записей подлинного общения в белорусской и русской культурах.

12. А: *Бы! Толькі выйшла «Рыла, рыла ямачку я суседу Яначку, дыў звалілася сама ў тую ж самую ямачку».*
Б: *Вой-вой-вой! Барані божа!*
А: *Што барані?! Ці не так, цетка?*
Б: *Праўдачка твая. Праўдачка твая.*
13. А: *Не рой яму другому, слыхал?*
Б: *Да ну!*
А: *Не да ну, а ссамм в нее упадешь. Самм. Понял?*
Б: *Хо-хо!*

Фрагмент языковой картины мира, запечатлевший смысл о невозможности сотворения зла соседу без последствий для себя во фрагменте 13, предстает как относительно абстрактная истина, более отстраненная, дистанцированная от говорящего субъекта, чем в примере 12. Коннотации отстраненности в примере 13 передает директивная форма речевого действия «не рой яму...», отсутствие в нем имен собственных, употребление весьма абстрактного местоимения «другой». Местоимение «сам» в предложенной в примере 13 структуре также может обозначать кого угодно.

Во фрагменте 12 та же истина высказывается в совершенно другой форме. Нейтральная яма заменяется на более близкую и домашнюю «ямачку». И роет ее конкретное лицо женского пола, обозначенное коннотирующим близкие дистанции личным местоимением «я», и предназначается она для не менее конкретного соседа, полная индивидуализация и близость которого достигается с помощью уменьшительной формы имени – Яначка. Обезличенные, отстраненные формы отсутствуют. Близкие, уменьшительные, конкретные преобладают. Уместно отметить, что уменьшительность усиливается еще и за счет повтора «рыла, рыла». Неслучайно более широкие концепции диминутивности включают в арсенал средств диминутивизации редупликации или повторы типа «Не буду, не буду, не буду» [10]. Или, в нашем примере, «рыла, рыла». Важно отметить также, что слово «ямачка» вряд ли обозначает объект уменьшенного размера. Кроме того, трудно заподозрить наличие у говорящего субъекта, замыслившего худое, некой ласкательности по отношению к соседу Яну.

Примечательно, что повторы, как и интенсификации смысла «Большущенький-пребольшущенький» (см. пример 9), значительно чаще фиксируются в говорении женщин. Сказанное верно и об относительно редких диминутивных формах. Особенно в отношении диминутивов, образованных от частиц (см. пример 2), модальных глаголов (см. примеры 3, 4), местоимений (6, 7), междометий (см. пример 8), предложений (10). Диминутивы данной разновидности не составляют значительной доли в общей массе уменьшительных форм, однако они почти полностью соотносятся именно с женским говорением. В вербальном поведении мужчин в нашем материале они встречаются только в иронических высказываниях по поводу женщин, в имитациях женского вербального поведения или в разговорах бабушек с детьми. Так, почти все представленные нами примеры (1–10) являют собой фрагменты говорения женщин. А реплика 12А манифестирует интерпретацию женского поведения коммуникантом-мужчиной, использующим для этого пословицу, в которой обобщение сделано на основе женского опыта и в соответствии с правилами именно женского использования языка.

Представленное наблюдение о гендерной значимости относительно редких диминутивных форм оказывается верным и о малочастотных уменьшительных формах, регистрируемых в говорении в английской и американской культурах. Безусловно, диминутивность в языках данных культур имеет свою специфику. Она значительно отличается от той, которая наблюдается в русском и белорусском языках. Так, ни в британском английском, ни в американском не имеется такого разнообразия морфологических способов конструирования уменьшительности, как в белорусском, но особенно в русском. Однако она все-таки имеется. Так, одним из морфологических средств реализации диминутивности в американском и английском языках правомерно считать суффикс *-ish*, с помощью которого возможно образование диминутивных форм прилагательных. Употребления типа *a bluish colour* общеизвестны. Данные образования, как и вообще обозначения цвета, несколько более частотны в говорении женщин. В наших записях подлинного общения, однако, обнаруживаются весьма удивительные образования, например:

14. A: *It's missing!*
 B: *Yeah, quite a **larguish** sum.*
15. A: *But I tell you what, it was a **vastish** country!*
 B: *mm*
16. A₁: *Yeah, he's lovely. A very **tallish** young man!*
 B₁: *Oh dear!*
 A₂: *What is it, Johnny?*
 B₂: *Is he tall or short then, dear?*
 A₃: *Sure thing he's tall!*
 B₃: *Goodness! Well! Now!*
 A₄: *Oh!*
 B₄: *Why can you never use good clear words, dear?!*

Примечание. Подчеркнутые фрагменты представляют собой отрезки одновременного говорения.

Выделенные полужирным шрифтом прилагательные в приведенных примерах представляют собой весьма интересные образования с точки зрения их семантической структуры, ибо в них сочетаются наименования крупных или больших форм (*large, vast, tall*) с уменьшительным суффиксом *-ish*. Подобные употребления вполне соответствуют приведенным ранее образованиям типа «бальшэнькі такі» и «огромненький» соответственно в белорусском и русском говорении. Весьма любопытно, что в американской и английской культурах они фиксируются практически исключительно в говорении женщин. Редчайшие случаи мужского употребления в нашем материале имитируют и/или иронизируют по поводу манеры говорения женщин. При их переводе с английского весьма уместными представляются встречающиеся в наших записях варианты типа «крупненькая сумма», «большущенькая страна», «высокущенький».

Каждое из таких образований правомерно считать скорее не средством обозначения малых размеров именуемых объектов, а знаком пространственных ориентиров говорящего субъекта. Суффикс *-ish* в таких случаях способствует организации определенных пространственных отношений в его языковой картине мира, менее дистантных, более приближенных, наполненных «своими», знакомыми объектами. Неслучайно единственное мужское употребление подобных форм, зафиксированное в наших записях аутентичного говорения в английской культуре, представляет собой ироническое языковое действие, в котором говорящий насмешливо имитирует вербальное поведение обсуждаемой личности женщины:

17. A₁: *Ah well, she'd say: "A **hugish** variety! Everything's available!"*
 B: *Ha-ha!*
 A₂: *Ha-ha! Yeah!*

Показательно также, что образование, инкорпорирующее в своей структуре одновременно маркеры большого и уменьшенного размера, приведенные во фрагменте 16, явно являются причиной непонимания в межгендерном общении. Коммуникант-мужчина весьма эксплицитно выражает сомнение в адекватности употребления таких форм (см. реплики B₁, B₂, B₃, B₄).

Целесообразно отметить, что образования с суффиксом *-ish*, как и все представленные в данной статье формы, имеют сравнительно низкую частотность. Таковыми являются уменьшительные формы частиц, модальных глаголов и т.п. Однако их роль в манифестации пространственных параметров проектируемой говорящим субъектом языковой картины мира весьма значительна. Ведь малочастотные формы, как убедительно показывают исследования многих лингвистов, могут быть значительно более заметными и легче воспринимаемыми реципиентом, чем постоянно присутствующие [13, с. 64–65].

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что несмотря на незначительную встречаемость редкие диминутивные формы вносят существенный вклад в гендерную структуризацию языкового поведения личности, в том числе и посредством экспликации особенностей восприятия пространственных отношений в окружающем мире.

Согласно данным исследований в нейропсихологии, наше сознание проводит различие между ближним и дальним пространством [14, с. 56–59]. Травмы разных зон мозга могут привести к тому или иному нарушению в восприятии данных разновидностей пространства. Язык также различает подобные градации (например, *здесь* – близкое пространство, *там* – дальнее).

Другим противопоставлением, значимым с нейропсихологической точки зрения, является различие между личным пространством и внешним [14, с. 61]. Данное противопоставление в некоторой степени проявляется в особенностях системы личных местоимений, хотя предназначение названной системы намного шире, чем просто отражение пространственных отношений [15, с. 28]. Еще одним проявлением отмеченного противопоставления правомерно считать представленные в данной работе разновидности диминутивизации. Они, так же как и личные местоимения, наряду с проксемическими созначениями в значительной мере коннотируют еще и гендерную принадлежность коммуниканта, то есть имеют намного более широкую функцию, чем выражение только пространственных отношений.

Существует еще одно важнейшее противопоставление между типами пространственной ориентации, выделяемыми в нейропсихологии – это различие относительной и абсолютной ориентации [16, с. 163]. Язык, как свидетельствуют исследования лингвистов, также маркирует различие между относительной и абсолютной ориентацией. Так, наречие *далеко* является примером маркера абсолютной ориентации, в то время как *вдали* отсчитывает дистанцию относительно наблюдателя. Разнообразие средств уменьшительности правомерно отнести именно к данному типу маркеров пространственных, проксемических (в нашем случае) связей, ибо они описывают дистантные отношения не абсолютной ориентации, а относительно говорящего субъекта, представляя расстояния именно в том виде, в котором их концептуализирует данный субъект, помещая предметы своего обсуждения на определенную дистанцию от себя. Гендерная специфика как раз и появляется на этапе подобного проецирования.

Проксемика, как известно, по-разному маркирует общение в частной и общественной сферах. Первая предполагает более близкие отношения и значительно меньшие дистанции как между интерпретирующими реалии мира коммуникантами, так и между говорящим и предметом интерпретации, чем вторая, официальная сфера. Женщина же исторически сформировалась в общении, которое с проксемических позиций можно обозначить как значительно менее дистантное и требующее внимания к деталям, частностям, позволяющее увидеть их в мельчайших подробностях. Значимость мира частной сферы, принципиальная незаменимость важнейших его субъектов и расположенность его реалий на более коротких дистанциях, в том числе и дистанциях особых, частных отношений, не могли не найти отражение в языке говорящих субъектов, в значительной мере состоявшихся в данной сфере.

Сказанное верно и о мире публичных, общественных отношений, для успеха в котором важнее определенная отстраненность и акцент на сильную, полагающуюся на себя личность, способную уйти от деталей и подробностей для осуществления более глобальной цели.

Заключение. Суммируя представленные в настоящей статье данные, можно утверждать, что отражение проксемических или дистантных особенностей пространства средствами языка имеет гендерно-специфические черты. А язык располагает гендерно-предпочтительными способами конструирования или воссоздания реальности. Утверждение о возможности существования многих моделей пространства, которые можно выделить на основе анализа фактов употребления языка, находят свое подтверждение и при рассмотрении особенностей пространственных дистантных отношений в проецируемой говорящими субъектами языковой картине мира в зависимости от гендерной отнесенности

ЛИТЕРАТУРА

1. Jakobson, R. Über die phonologischen Sprachbünde / R. Jakobson // Travaux du Cercle linguistique de Prague-IV. – SW, 1971. – S. 137–143.
2. Isačenko, A.V. Der eurasischer Sprachbund / A.V. Isačenko // Orient und Occident. – 1934. – № 17. – S. 30–34.
3. Skalička, V. Zur Charakteristik des eurasischer Sprachbundes / V. Skalička // Archiv Orinetální, 6(1), 1934. – S. 272–274.
4. Грицанов, А.А. Пространство и время / А.А. Грицанов // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный Дом, 2001. – 1279 с.

5. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 255 с.
6. Яковлева, Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира / Е.А. Яковлева // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 20–24.
7. Радченко, О.А. Язык как мирозидание / О.А. Радченко. – М.: УРСС, 2005. – 312 с.
8. Лосев, А.Ф. Языковая структура / А.Ф. Лосев. – М.: Наука, 1983. – 294 с.
9. Стариченок, В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.
10. Dahl, Ö. Diminutives and Augmentatives / Ö. Dahl // Encyclopedia of Language and Linguistics, 2006. – Vol. 3. – Amsterdam: Elsevier. – P. 594–595.
11. Heine, B. World Lexicon of Grammatikization / B. Heine, T. Kuteva. – Cambridge: CUP, 2002. – 387 p.
12. Словарь лингвистических терминов / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Рос. энцикл., 1998. – 685 с.
13. Halliday, M.A.K. Spoken and Written Language / M.A.K. Halliday. – Oxford: OUP, 1992. – 109 p.
14. Halligan, P.W. Left neglect for near but not far space in Man / P.W. Halligan, J.C. Marshall // Nature. – 1991. – № 350. – P. 49–74.
15. Апресян, В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты / В.Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 2011. – № 1. – С. 19–51.
16. Robertson, L.C. Space objects, minds and brains / L.C. Robertson. – New York, 2004. – 318 p.

Поступила 17.11.2014

LANGUAGE, SPACE AND GENDER

M. POUTROVA

The departure point of the article is the claim that the conception of space fixed in a language world view is a matrix that is interactive with the gender identity of the speaking or writing subject. We claim that diminutives are one of the effective means of organizing hidden proxemic or distance dimensions of space through gender perspective. Very distinctive among them are rare diminutives, especially those that combine opposing ideas of largeness and littleness in one word or verbal formation.